

К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ СМЕРТИ Д.Я. САМОКВАСОВА

© 2012 г. А.Н. Голотвин

ГУК "Государственная дирекция по охране культурного наследия Липецкой области", Липецк

В августе 2011 г. исполнилось 100 лет со дня смерти одного из ведущих отечественных археологов дореволюционного времени Д.Я. Самоквасова (1843–1911) – выпускника юридического факультета Санкт-Петербургского университета, профессора права Варшавского, затем Московского университета, директора Московского архива министерства юстиции (МАМЮ), участника большинства Археологических съездов (АС), члена Московского Археологического общества (МАО), Императорской Археологической комиссии (ИАК) и пр. Д.Я. Самоквасовым было раскопано значительное количество памятников, материалы которых до сих пор составляют солидный корпус источников по отечественной истории и археологии. С его именем также связано развитие методической базы, разработка проблем охраны археологического наследия, хранения и экспонирования музейных коллекций, внедрение археологического материала в педагогический процесс.

Долгое время вклад Д.Я. Самоквасова в отечественную археологию не получал должной оценки. После публикации достаточно обстоятельного некролога "Самоквасов как археолог" (Анучин, 1914. С. 403–410) вплоть до начала 90-х годов XX в. работ, посвященных археологической деятельности Д.Я. Самоквасова, не выходило, хотя отдельные аспекты получали освещение в обобщающих исследованиях историографического характера (Худяков, 1933. С. 73; Очерки..., 1960. С. 621, 622; Монгайт, 1955. С. 41; Формозов, 1961. С. 117; Лебедев, 1992. С. 168–170).

Изменения, происшедшие в отношении наследия ученого, наглядно иллюстрирует приуроченный к 150 годовщине со дня его рождения историко-археологический семинар "Слов'яни і Русь у науковій спадщині Д.Я. Самоквасова", на котором прозвучала целая серия докладов о вкладе Дмитрия Яковлевича в отечественную науку (Слов'яни..., 1993). Однако наиболее полно научная биография Д.Я. Самоквасова воссоздана в работах С.П. Щавелева, обобщенных в книге "Историк Русской земли: жизнь и труды Д.Я. Самоквасова" (1998). Иссле-

дование этого автора, среди которых и обширные публикации архивных источников (Археология, история и архивное дело..., 2007), создают хорошую базу для более углубленного исследования творчества ученого, важнейшая часть которого посвящена археологии.

Как археолог молодой историк права проявил себя уже во время учебы в магистратуре. Причины, подвигнувшие не только включить данные археологии в число источников исследования, но и начать самостоятельные полевые работы, лежат в теоретико-методологических установках Д.Я. Самоквасова. К "вещественным памятникам" он обратился не без влияния модного тогда позитивизма, считая именно комплексное источниковедение средством приближения истории к нормам естественных наук (1878а. С. 248, 249). Тем не менее будучи человеком с консервативными общественно-политическими взглядами с годами он все больше тяготел к иной традиции. Его попытки отыскать генетическое родство "русских славян" со скифами, сарматами и гетодакийцами и, как следствие, доказать их цивилизованность уже в древнейшие времена роднят его с немецкими романтиками, возвеличившими германцев (Клейн, 2011. С. 342). Важнейшая роль при этом отводилась изучению вещественных памятников, в которых виделось "... начало, воскресенье и богатство нашей истории" (Самоквасов, 1884. С. VIII). Однако количество и качество доступных археологических источников явно не соответствовало предъявляемым к ним требованиям. Выходом из этой ситуации стали самостоятельные полевые исследования.

Приступив к практической деятельности, ученый столкнулся со спецификой археологического источника, методов его изучения, оказавшей решающее воздействие на восприятие им археологической науки, предопределившей постепенный отход от ее расширительной трактовки. Учитывая, что Д.Я. Самоквасов не давал прямых определений археологии, его взгляды логично рассматривать через подходы к археологическому источнику.

В 70-х годах XIX в. для обозначения археологического материала употреблялись термины “памятники древности, скрытые под землей”, “древние земляные насыпи”, “памятники жизни”, “вещественные памятники” и т.п. В этом списке нет ни одного обозначения с термином “археологический”. Видимо, разделяя точку зрения А.С. Уварова на предмет и объем археологии, Д.Я. Самоквасов все же оперировал не его “археологическими памятниками”, включающими “вещественные”, “письменные” и “устные” свидетельства (Уваров, 1878. С. 21, 22), а лишь одной из их составляющих. Первоначально им анализировались только городища и курганы. В отличие от предшественников Д.Я. Самоквасов основным объектом фиксации при раскопках, например, курганов видел не только вещи, чаще всего воспринимаемые как произведения искусства, но и внешнее и внутреннее устройство погребений в целом.

В работах 80-х годов к памятникам вещественным уже относились “... имущественные клады, городища, могилы, предметы культа, орудия добытия средств питания, вооружение, одежда, орнаментика костюма и всякого рода вещественные предметы, составляющие обстановку домашней и общественной жизни наших предков” (Самоквасов, 1888. С. 43). Изменения следует связывать с началом раскопок курганов с несколькими разновременными захоронениями, в результате чего они стали восприниматься как могильники. Появились и новые термины для определения археологического источника. Во втором выпуске “Истории русского права” Д.Я. Самоквасов указывал: “В решении вопроса о происхождении наших предков мы пользовались ... и фактами археологическими (курсив мой. – А.Г.), открытыми в скифской и славянской земле” (1884. С. VIII). В этом определении просматривается сужение значения термина “археологический” и применение его только к материалам, полученным в ходе раскопок. Отход от расширительной трактовки археологии еще более наглядно читается в других работах ученого: “Славянорусская археология (курсив мой. – А.Г.) дает возможность показать и определить формы, состав и способы изготовления многих предметов древнего домашнего и общественного быта, неизвестных литературным памятникам или известных им только по названиям” (Самоквасов, 1888. С. 144).

Употребление термина “славянорусская археология” можно рассматривать как стремление к выделению особого раздела отечественной археологии. Если А.С. Уваров под “русской археологией” подразумевал науку, изучающую памятники всех народов, входивших в состав Российской империи,

то Д.Я. Самоквасов, вводя термин “славянорусская археология”, делал акцент на этнической принадлежности предмета этого раздела науки. Сам термин следует рассматривать как производное от определения “Русские Славяне” (отсюда “славянорусы”, “древнерусские Славяне” и т.п.), использовавшееся Д.Я. Самоквасовым для обозначения великороссов, малороссов и белорусов; он имел достаточно широкое хождение в исторической литературе того времени. Придавая этнический оттенок этому понятию, Д.Я. Самоквасов увязывал его хронологические границы с проблемой происхождения восточных славян. Поскольку их предков он видел уже среди скифских племен, то и скифо-сарматская археология, в современном ее понимании, включалась в славянорусскую археологию.

Тенденция к ограничению источников археологии ископаемыми остатками жизнедеятельности человека окончательно возобладали в работах начала XX в., когда Д.Я. Самоквасов впервые употребил термин “археологический источник”. Устанавливая причину расселения восточнославянских племен, он пришел к выводу, что “фактический ответ на этот вопрос нужно искать в источниках археологических (курсив мой. – А.Г.) – в наслоении могил русской прародины”, определив “... раскопками, какой народ жил в области бассейнов Сулы и Роси...” (Самоквасов, 1906. С. 10). Понятнее взгляды ученого становятся при анализе другой работы. Так, в 1908 г. он писал: “Древности, извлеченные из жилищ и могил неизвестных времен и народов, безгласны для историка, хотя их формы могут быть интересны для археолога; наоборот, бытовые изделия, извлеченные из могил и жилищ известных мест, времен и народов, могут и должны служить фактической основой исторического знания...” (Самоквасов, 1908а. С. 42, 43). Данная цитата, как и ряд других высказываний ученого, говорят о понимании археологии как источниковедческой (ископаемые “древности” и их “формы”), вспомогательной исторической дисциплины, основная задача которой – определение времени и народности изучаемых объектов, что считалось необходимым условием перехода археологического материала в разряд исторических источников (Самоквасов, 1878а. С. 194).

Важнейшим же признаком самостоятельности этой науки Д.Я. Самоквасов называл наличие собственной “классификации”, разработке которой посвятил ряд работ.

Впервые свои подходы к этой проблеме он изложил на Антропологической выставке 1879 г. в докладе “Вещественные памятники древности в пределах Малороссии”, в котором рассматривались в

“исторической последовательности памятники эпохи каменной культуры, памятники эпохи бронзовой культуры и памятники эпохи культуры железной” (Самоквасов, 1880. С. 1).

Сам ученый указывал, что он следовал “... принятой в археологии классификации древнейших следов человеческой культуры...” (Самоквасов, 1880. С. 1). Однако под терминами “памятники эпохи культуры” он имел в виду исторические эпохи, используя термин “культура” как синоним понятию “период”, “цивилизация”. Так, эпоху каменной культуры ученый начинал с “отдаленнейшего времени” совместного существования человека и мамонта, а заканчивал первыми сообщениями исторических источников. Данные письменных источников определяли и границы эпохи железа, и деление внутри нее.

На первый взгляд, эта систематизация представляет собой распределение археологического материала по историческим эпохам, но прежде эти памятники были сгруппированы по технологическому критерию, как и “система трех веков” Х.Ю. Томсона – Й.Я. Ворсо. Основанием для сопряжения с каменным, бронзовым или железным веками служили состав, форма и материал вещей в комплексах, стратиграфические наблюдения. Таким образом, прежде чем распределить материал по историческим эпохам, он членился по археологическим векам, а уже потом соотносился с исторической хронологией. Вот здесь и обнаруживалась специфика археологии как науки. Ведь конечная цель и современной археологии – выход на исторические реконструкции, но сегодня этому предшествует более развитая внутренняя и внешняя критика археологического источника.

Классификация, изложенная в “Вещественных памятниках древности в пределах Малороссии”, стала одной из первых отечественных попыток уточнения системы трех веков для определенного региона. Примерно в это же время создавали свои хронологические колонки и ведущие западные ученые. Первые попытки членения, например, каменного века были палеонтологическими. Так, Э. Ларте выделял век гиппопотама, пещерного медведя, мамонта, шерстистого носорога и др. В 1865–1866 гг. на основе уже технологических критериев были выделены палеолит, неолит и мезолит, а в 1869 г. Г. Мортелье разделил на четыре эпохи палеолит Франции (Клейн, 2000. С. 487–491). Можно предположить, что Д.Я. Самоквасов, называя один из видов памятников каменной эпохи “расколотые человеком кости мамонта и современные мамонту человеческие орудия”, пытался соединить оба под-
хода.

В зависимости от появления древностей новых хронологических горизонтов подвергалась корректировке и классификация ученого. Более заверченный вид она приобрела к 1890 г. Теперь археологический материал распределялся по “киммерийской” (до VI в. до н.э.), “скифской” (VI–I вв. до н.э.), “сарматской” (I–V вв. н.э.), “славянской” (VI–XI вв. н.э.) и “половецко-татарской” (XII–XVII вв. н.э.) историческим эпохам (Самоквасов, 1890; 1892). По сравнению с предшествующими вариантами расширилась территория охвата, рассматривались языческие могилы “надпонтийской” области Европы (южные и центральные области Российской империи). В этом варианте Д.Я. Самоквасов широко использовал этнографическую терминологию, подчеркивая, что выделяет не собственно могилы скифов или сарматов, а только определенный хронологический отрезок, для удобства называя его именем господствовавшего этноса (ОПИ ГИМ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 630. Л. 189), т.е. материал группировался не по этническому, а по хронологическому принципу. Следовательно, значение имели временные рамки периодов, а не их названия. Границы эпох определяли конкретные исторические события. С одной стороны, это давало объяснение изменениям погребального обряда, материала и форм сопровождающего инвентаря, с другой – относительную хронологию (деление на каменный, бронзовый и железный века) превращало в абсолютную. Д.Я. Самоквасов, хотя и призывал не принимать во внимание “теоретические века скандинавской археологии” (Труды..., 1897. С. 63), сам предлагал лишь локальный вариант хронологии железного века, совмещенной, правда, с исторической периодизацией.

Итоговый вариант классификации был предложен в фундаментальном издании “Могилы Русской земли”, где выделялись следующие эпохи: “киммерийская” (до третьей четверти VII в. до н.э.), “скифо-сарматская” (вторая половина VII в. до н.э. – VII н.э.), “русская” (VII–XI вв. н.э.) и “половецко-татарская” (с X в. н.э. – до прекращения языческого обряда) (Самоквасов, 1908а).

Наиболее крупными подразделениями и здесь остались исторические эпохи. Однако и их хронологические границы, и названия претерпели изменения, а внутри скифо-сарматской эпохи были выделены периоды (сколотский, сарматский и русский). Тем не менее единицей деления другого порядка здесь выступает не период, бывший, как и эпоха, отрезком исторического времени, а группа могил. Например, среди погребений “сколотского периода”, помимо собственно “сколотских”, вычленились могилы “народа каменной и бронзовой культуры”,

не вошедшего в состав государства “Сколотов”, и “древнейшие могилы скитской эпохи”. Выделялось несколько могильников, принадлежащих сарматским племенам, и погребения “Роксолан”. Могилы русской эпохи подразделялись на две группы – “козарские” и “русские”, половецко-татарской – на пять, каждая из которых связывалась с печенегами, половцами или татарами (Самоквасов, 1908а. С. 66, 92, 231–237, 253, 254). Появление в классификации групп могил – важное отличие этого варианта от предшествующих. Теперь могилы распределяются не только по историческим периодам, но и соотносятся с конкретным этносом и даже племенем. Здесь стоит отметить, что древние “племена и народы”, различные стороны их материальной культуры (“быт”), были основным объектом исследования представителей так называемой археологической бытописательской парадигмы. При этом ее характерной чертой называют отсутствие детальной разработки проблем периодизации и, как следствием этого, – совмещение во времени исторических событий, отделенных друг от друга столетиями. В качестве классического примера приводят труды И.Е. Забелина. В рамки этой парадигмы вписываются и первые статьи Д.Я. Самоквасова о древностях северян. Однако стремительное накопление конкретного материала, незначительное количество которого и следует считать причиной отсутствия разработанной хронологии у отечественных бытописателей, привело его к необходимости распределения археологических памятников во времени. При этом установка на изучение истории культуры народов и племен продолжала себя проявлять в непременном соотношении памятника и этноса. Такие подходы были обусловлены ориентацией и представителей бытописательской парадигмы, и Д.Я. Самоквасова на задачи исторической науки. Отсюда и специфика его классификации. Распределение материала по периодам относительной хронологии не могло удовлетворить Д.Я. Самоквасова – историка, которого интересовал быт конкретных племен и народов.

По своему характеру его разработки – это попытка создания региональной хронологии. В принципе, ученый двигался в том же направлении, что и археологи Западной Европы (Клейн, 2000. С. 487). Однако если для европейских исследователей основной задачей было установление с помощью археологических методов периодов относительной хронологии, а уже потом соотношение ступеней и фаз с абсолютным счетом времени, то у Дмитрия Яковлевича эти две операции совмещались. Он пытался периоды относительной хронологии заменять историческими эпохами, хотя это и относится только ко времени греко-римской цивилизации и

последующих периодов. Для “доисторического периода” он довольствовался относительной хронологией. На наш взгляд, в этом проявилось своеобразное сочетание эволюционизма с характерной для романтизма увлеченностью этническими определениями.

В этом заключается отличие выделяемых Д.Я. Самоквасовым групп памятников от современного понятия “археологическая культура”: у него – это культуры древних племен. Определяющим критерием для отнесения могилы тому или иному этносу были представления ученого о времени его существования, территории расселения, миграциях и т.п. Под эти исторические построения и подгонялась культурно-хронологическая атрибуция погребения. Так, царские курганы скифов считались погребениями правителей сарматов, поскольку хронологически попадали в сарматский период, границы которого маркировали исторические события, известные по письменным источникам (Самоквасов, 1908а. С. 149). Обращает же на себя внимание совокупность объектов, для определения которой употреблялся термин “тип”, – “курганы Аксютинского типа”, “катакомбы Суоргомского типа”, “курганы северянского типа” и др. Они выступали как составная часть могил “роксолан”, хазар, восточных славян. Основанием для их выделения служили археологические признаки – территория распространения, датировка, стратиграфическое распределение, сочетаемость типов вещей в замкнутых комплексах. Именно эти группы памятников можно рассматривать как своего рода эмбрион современного понятия “археологическая культура”, по крайней мере, критерии вычленения близки. Эти типы памятников и служили у Д.Я. Самоквасова ячейками относительной хронологии.

Взгляды ученого на теоретические проблемы археологии хорошо иллюстрируют процесс бурного развития науки, который фиксируется в последней трети XIX – начале XX в. Тоже относится и к полевым работам. В условиях, когда огромные регионы оставались необследованными, Д.Я. Самоквасову приходилось прибегать к широко распространенной в предшествующее время практике научных путешествий, сочетавшихся у него с масштабными раскопными работами.

В 1870–1872 гг. им было обследовано около 70 городищ в нескольких губерниях Европейской части Российской империи (Самоквасов, 1873). Весомым дополнением к этому стал сбор сведений о городищах и курганах, организованный через Центральный статистический комитет (Щавелев, 1992. С. 255–264). Совершал научные путешествия Д.Я. Самоквасов и позднее, осматривая памятники

в Северном Причерноморье, Австро-Венгрии и Италии.

После защиты в 1873 г. диссертации на тему "Древние города России" основным объектом его научных интересов стали погребальные памятники Днепровского лесостепного левобережья (бассейны р. Десна, Сейм, Сула, Псёл). Здесь было исследовано несколько сотен объектов преимущественно славяно-русского времени. Только в могильнике Чернигова в разные годы ученым было раскопано до 150 насыпей, среди которых и такие эталонные погребения, как Черная Могила, Гульбище, Безымянный и др.

В 1876–1877 г. Д.Я. Самоквасов, расширив район полевых работ, копал разновременные курганы у с. Яблоново, Гармани, Россава в Каневском Поднепровье (бассейны р. Рось и Россава). Привлекали внимание ученого и археологические памятники Польши, а в 1881–1882 гг. работы проводились в окрестностях Пятигорска и Кисловодска (Пережень..., 2007).

Такие масштабные исследования стали возможны во многом благодаря тому, что финансировались не только из собственных средств Д.Я. Самоквасова, но и за счет государственных субсидий, получаемых им с 1876 по 1881 гг. Когда же субсидии прекратились, ученый оказался среди первых сверхштатных членов ИАК, на средства которой во второй половине 80 – начале 90-х годов XIX в. были раскопаны объекты в Екатеринославской (курган эпохи бронзы Бесчастная могила и 26 насыпей раннего железного века у ст. Краснокутовка, гуннский грунтовый могильник у с. Новогеоргиевка и погребения кочевников монгольского времени у д. Вороной), Киевской (Рыжановская группа курганов раннего железного века) и Курской (курган эпохи бронзы у д. Воробьевка) губерниях (Самоквасов, 1886).

После назначения Д.Я. Самоквасова на должность директора МАМЮ последовал более чем 10-летний перерыв в его полевых исследованиях. Они возобновились только в ходе подготовки XIV АС в Чернигове, где Д.Я. Самоквасов проявил себя как организатор научных экспедиций. На его средства раскопки проводили В.А. Городцов, Н.Е. Макаренко, И.Я. Стрелецкий и др. Сам же ученый исследовал несколько курганов в Аккерманском уезде и Чернигове во время проведения самого съезда (Раскопки..., 1916). Однако и после съезда ученый не прекратил своих полевых занятий. Он не только раскопал несколько славянских курганов в Подмоскovie для слушателей Археологического института, но и совместно с членами Курской архивной комиссии организовал масштабные работы

на Гочевском археологическом комплексе, где было вскрыто 287 курганов, заложено несколько шурфов и траншей на городищах (Дневник..., 1915).

Значение полевых исследований Д.Я. Самоквасова определяется не только количественными показателями, но и уровнем применяемой методики. Он был одним из авторов инструкции археологам, утвержденной на III АС (Инструкция..., 1878. С. LXIX–LXXII). Если в ней речь идет только об описании городищ, то на практике они исследовались шурфами и крестообразными траншеями (Самоквасов, 1876. С. 358). Методика исследования поселений широкими площадями у нас стала распространяться только в начале XX в., что объясняет использование приемов, хорошо отработанных на курганах. Однако в 1909 г. на Гочевском археологическом комплексе Д.Я. Самоквасов пробовал копать и широкими траншеями, самая большая из которых – около 380 м² (Дневник..., 1915. С. 4).

Куда больше внимания он уделял методике раскопок погребальных памятников. Вскрытие курганной насыпи "колодцем" или траншеей, применение стального шупа сегодня выглядят достаточно уязвимо. Тем не менее по сравнению с распространенной тогда практикой (Бойко, 2000. С. 75–78) методика Д.Я. Самоквасова обладала и несомненными достижениями. Одно из них – подробное описание раскопок в полевом дневнике. К другим ее сильным сторонам можно отнести обязательное исследование насыпи до материка; послойное снятие земли при обнаружении кострища и при разборе могильной ямы; оставление вещей на местах до их полной фиксации; тщательный просмотр и просеивание земли из погребальной камеры; подробное описание, измерение и зарисовка устройства и содержания могилы. Кроме того, в инструкции предписывалось начинать работы с закладки пробного шурфа для выяснения состава почвы и определения материка (Инструкция..., 1878. С. LXIX–LXXII).

На снос Д.Я. Самоквасов рекомендовал копать две-три насыпи в могильнике и одиноко стоящие курганы, в связи с чем интерес представляет исследование системой траншей всей насыпи одного из больших курганов у с. Рыжановка в Киевской губернии (РА ИИМК. Ф. 1. Оп. 1890. Д. 60. Л. 26а; Самоквасов, 1908а. С. 84), что можно рассматривать как определенное развитие применяемых им приемов.

Конечно, сам ученый не всегда с одинаковой тщательностью выполнял предлагаемые им же процедуры. Он часто не описывал курганы, в которых не было инвентаря, останавливал раскопки при повторении погребального обряда, для нескольких схожих курганов делался только один типовой чер-

теж. Тем не менее оригиналы чертежей (ОПИ ГИМ. Ф. 281. Оп. 3. Д. 252) и отчеты (РА ИИМК. Ф. 1. 1889. Оп. 55; Ф. 1. 1891. Оп. 54 и др.) показывают, что если Д.Я. Самоквасов зарисовывал курган, то это были качественно выполненные в масштабе, цветные чертежи горизонтальных и вертикальных разрезов насыпей, отражающие стратиграфию, расположение погребений и находок.

Уделяя много внимания полевому этапу исследования, ученый куда меньше занимался так называемой кабинетной археологией. Применительно к его работам можно говорить лишь о зачатках археологического источниковедения. Д.Я. Самоквасов не строил типологических рядов вещей, да и практически не занимался анализом отдельных находок, оперируя комплексами. Некоторые предпосылки к изучению вещи прослеживаются лишь в работах начала XX в. (Могильные древности..., 1917. С. 37). Не интересовала его и репрезентативность выборки, было достаточно одного факта для построения сложной цепочки выводов. Считая археологический источник изначально объективным, Д.Я. Самоквасов не учитывал и субъективности исследователя. В результате этого объективным считалось любое сообщение письменного источника, подтвержденное данными археологии. Методология ученого, если понимать этот термин как совокупность методов, сводилась к умозрительному сопоставлению археологических комплексов (городищ, могил, кладов) друг с другом и с данными письменности, реже – этнографии.

Подобные пробелы в методах археологического исследования при еще достаточно слабой источниковой базе способствовали бывшим у Д.Я. Самоквасова заблуждениям в исторических построениях. Однако именно привлечение археологических источников позволило ему предложить ряд оригинальных исторических теорий развития восточнославянского общества.

Уже в своей магистерской диссертации на тему «Древние города России» Д.Я. Самоквасов (1873) выступил с опровержением теории богослужебного назначения городищ З.Д. Ходаковского. Результаты полевых исследований стали одним из ключевых доказательств их жилого и военно-оборонительного характера, что дало основание утверждать существование в домонгольской Руси не нескольких сотен, а нескольких тысяч укрепленных поселений. Данные археологии и анализ письменных источников по колонизации Юго-Востока России в XVI–XVII вв. позволил Д.Я. Самоквасову предложить теорию исторического развития поселений через последовательное прохождение трех фаз: город → село → хутор. Эти факты утвердили его в мысли,

что при колонизации новых земель восточные славяне были вынуждены объединяться в общины и строить на заселяемых территориях только укрепленные поселки.

Не противоречили этим выводам и первые результаты раскопок курганов, изложенные в развернутой статье «Северянские курганы и их значение в истории» (Самоквасов, 1878б. С. 185–224). Выделение характерных типов погребений летописных северян (курганы с погребальными урнами и кострищами, а позднее и подкурганые захоронения в ямах (Самоквасов, 1880. С. 12)) позволило включить в их число такие богатые захоронения, как Черная могила и Гульбище, что в свою очередь дало основание говорить о славянах языческой эпохи как о народе цивилизованном, с развитой торговлей и социально-имущественной дифференциацией.

Обширный раздел, посвященный памятникам вещественным, имелся и в докторской диссертации Д.Я. Самоквасова (1878а). В нем ученый обобщил результаты исследований городищ и курганов, которые в совокупности с данными письменных источников подтверждали вывод об объединении восточнославянских племен задолго до призвания Рюрика в так называемые племенные княжения или племенные государства.

С начала 1880-х годов Д.Я. Самоквасов обратился к проблеме происхождения восточных славян, основные теоретические положения которой были изложены в работе «Происхождение Славян. Происхождение Русских Славян» (1884). В восточнославянском этногенезе исследователь выделял два этапа: образование общей славянской народности и ее распад на славян южных, западных и восточных. Общим индоевропейским предком славян, германцев и балтов он считал скифов.

Более подробно Д.Я. Самоквасов останавливался на втором этапе. По его теории во II в. до н.э. сарматские племена, покорившие праславян, скифов, передвинулись в области между Днепром и Дунаем и, смешавшись с местными племенами, образовали государство во главе с гетами. Выселение же последних за Карпаты под натиском римлян отождествлялось с летописным свидетельством о переселении славян из дунайской прародины. Одним из ключевых доказательств выступили клады римских динариев, состав и география которых, по мнению автора, подтверждали их принадлежность славянским переселенцам, продавшим свое имущество.

Взгляды Д.Я. Самоквасова на историю восточных славян языческой эпохи были обобщены в очередном выпуске «Истории русского права» (1888). Он повторил свою теорию этногенеза славян и воз-

зрения на проблемы древнерусского города. Данные археологии привлекались для подтверждения и других положений автора. Орудия труда, зерна пшеницы, ячменя, овса и ржи, открытые в погребениях, служили доказательством земледелия как основы хозяйственной деятельности славян. Импортные вещи и отдельные монеты из тех же могил, а также клады выступали свидетельствами разветвленных торговых отношений. Так, клады византийских монет VI–X вв., обнаруженные в Киеве и области Днепровских порогов, монеты и другие артефакты византийского происхождения из погребений славян позволили говорить не только о подлинности русско-византийских договоров, но и о реальности военных походов на Константинополь в правление Аскольда и Дира.

Целая серия работ историко-археологического характера была издана в преддверии XIV АС 1908 г.: итоговое издание “Курса истории русского права” (1908б), “Северянская земля и Северяне по городищам и могилам” (1908в) и брошюра “Происхождение русского народа” (1908 г.). Наиболее серьезную трансформацию претерпела его теория происхождения славян. В ее последней версии акцент был сделан на роли местных “скито-сарматских” племен. Среди них наиболее значимое место в формировании восточнославянского этноса отводилось племени роксалан, с которым связывались скифские курганы и городища больших размеров в Посулье. Прямыми предками русского народа считались “россы”, населявшие государство, образовавшееся в результате смешения роксалан и части переселенцев с Дуная, принесших клады римского серебра и поля погребальных урн. Ученый не только пытался согласовать отстаиваемое им летописное сообщение о выселении славян с Дуная с новейшими археологическими данными (открытие В.В. Хвойкой полей погребальных урн в Поднепровье), но и дать объяснение резкой смене обряда захоронения. Среди причин распада государства россов, приведшего к образованию летописных племен, важное место занял хазарский фактор. Последнее следует связывать с выделением этого круга древностей.

Стоит отметить и попытки Д.Я. Самоквасова с помощью картографирования городищ и курганов определить границы не только всей северянской земли, но и волостей внутри нее. Центрами этих образований стали “старшие города”, вычленимые по более значительным размерам, наличию сложной системы укреплений и большему количеству сопровождающих курганов (Самоквасов, 1908в. С. 29–32). Интересно, что близкие к этим критерии были положены в основу разработанной

в 80-х годах XX в. классификации А.В. Кузы (Древняя Русь..., 1985. С. 39–50).

Подводя итоги, отметим, что с позиций сегодняшнего дня наследие Д.Я. Самоквасова в первую очередь представляет интерес как отражение процесса развития отечественной дореволюционной археологии от общей “русской археологии” как науки о древностях к так называемым частным археологиям, в основе которых – изучение ископаемых остатков жизнедеятельности человека. В случае Д.Я. Самоквасова – это славяно-русская археология. Однако работы ученого имеют не только историографическое значение. Прежде всего, речь идет о результатах его раскопок и разведок, методический уровень которых и в наше время оставляет их в числе важнейших источников по целому ряду проблем. Так, не одно исследование погребального обряда северян не обходится без обращения к материалам Д.Я. Самоквасова. Иначе обстоит дело с его историческими теориями, созданными с привлечением вещественных памятников. Несовершенство методов анализа археологических источников часто приводило к их неверной культурно-хронологической атрибуции и, как следствие, к заблуждениям в исторических построениях. Фундаментальные положения взглядов Д.Я. Самоквасова не подтверждаются современными исследованиями, хотя отдельные подходы и положения все же получили свое развитие.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Анучин Д.Н.* Д.Я. Самоквасов как археолог // Древности. М., 1914 (Тр. МАО; Т. XXIII. Вып. 2).
- Археология, история и архивное дело России в переписке профессора Д.Я. Самоквасова (1843–1911) / Сост., вступит. статья и ком. С.П. Щавелева. Курск, 2007.
- Бойко А.Л.* Из истории методики полевых исследований в дореволюционной России // ДА. 2000. № 2.
- Дневник раскопок в окрестностях с. Гочева Обоянского уезда Курской губернии, произведенных проф. Д.Я. Самоквасовым в августе 1909 г. М., 1915.
- Инструкции для описания городищ, курганов и пещер и для проведения раскопок курганов // Тр. III АС. Т. I. Киев, 1878.
- Клейн Л.С.* Археологическая периодизация: подходы и критерии // Культурная антропология. Археология. Время последних неандертальцев. СПб.; Кишинев; Одесса; Бухарест, 2000 (STRATUM plus; № 1).
- Клейн Л.С.* История археологической мысли. Т. 1. СПб., 2011.
- Куза А.В.* Укрепленные поселения // Древняя Русь. Город. Замок. Село. М., 1985 (Археология СССР).

- Лебедев Г.С.* История отечественной археологии. 1700–1917. СПб., 1992.
- Могильные древности Северянской Черниговщины Д.Я. Самоквасова. Посмертное издание. М., 1917.
- Монгайт А.Л.* Археология в СССР. М., 1955.
- Очерки истории исторической науки в СССР. Т. II. М., 1960.
- Перечень археологических исследований Д.Я. Самоквасова, составленный им самим между 1910 и 1911 гг. // Археология, история и архивное дело России в переписке профессора Д.Я. Самоквасова (1843–1911) / Сост., вступит. статья и ком. С.П. Щавелева. Курск, 2007.
- Раскопки Северянских курганов в Чернигове во время XIV АС Д.Я. Самоквасова. Посмертное издание. М., 1916.
- Самоквасов Д.Я.* Древние города России. Историко-юридическое исследование. СПб., 1873.
- Самоквасов Д.Я.* Древние земляные насыпи и их значение для науки // Древняя и новая Россия. Т. I. № 3, 4. СПб., 1876.
- Самоквасов Д.Я.* История русского права. Т. I. Начало политического быта древнерусских славян. Вып. 1. Литература. Источники. Методы ученой разработки источников. Варшава, 1878а.
- Самоквасов Д.Я.* Северянские курганы и их значение в истории // Тр. III АС в Киеве 1874. Т. I. Киев, 1878б.
- Самоквасов Д.Я.* Вещественные памятники древности в пределах Малороссии // Из протоколов Антропологической выставки 1879 г. Отдельный оттиск. Т. III. М., 1880.
- Самоквасов Д.Я.* История русского права. Вып. 2. Происхождение Славян. Происхождение Русских Славян. Варшава, 1884.
- Самоквасов Д.Я.* Могильные древности Александровского уезда Екатеринославской губернии // Тр. VI АС в Одессе. 1884 г. Т. I. Одесса, 1886.
- Самоквасов Д.Я.* История русского права. Университетский курс. Кн. I. Языческая эпоха. Источники. Со-
 держание институтов экономического, религиозного, государственного и процессуального права. Варшава, 1888.
- Самоквасов Д.Я.* Хронологическая классификация могил Южной России // Варшавские университетские изв. 1890. № 5. Отдельный оттиск. Варшава, 1890.
- Самоквасов Д.Я.* Основания хронологической классификации и каталог древностей. Варшава, 1892.
- Самоквасов Д.Я.* План археологических работ по собиранию и систематизации древностей Черниговщины для XIV АС // Тр. Московского предварительного комитета по устройству XIV АС. Вып. 1. М., 1906.
- Самоквасов Д.Я.* Могилы Русской земли. М., 1908а.
- Самоквасов Д.Я.* История русского права. М., 1908б.
- Самоквасов Д.Я.* Северянская земля и северяне по городищам и могилам. М., 1908в.
- Самоквасов Д.Я.* Происхождение русского народа. М., 1908г.
- Слов'яни і Русь у науковій спадщині Д.Я. Самоквасова. Матеріали історико-археологічного семінару, присвяченого 150-річчю від дня народження Д.Я. Самоквасова (Новгород-Сіверський). Чернівці, 1993.
- Труды Большого [восьмого] АС в Москве. 1890. Т. III. М., 1897.
- Формозов А.А.* Очерки по истории русской археологии. М., 1961.
- Худяков М.Г.* Дореволюционная русская археология на службе эксплуататорских классов. Л., 1933.
- Щавелев С.П.* Первый опыт массового учета археологических памятников в России (анкета Д.Я. Самоквасова 1872–1873 гг. и ее результаты) // РА. 1992. № 1.
- Щавелев С.П.* Историк русской земли. Жизнь и труды Д.Я. Самоквасова. Курск, 1998.
- Уваров А.С.* Что должна обнимать программа для преподавания Русской археологии и в каком систематическом порядке должна быть распределена эта программа? // Тр. III АС в России, бывшего в Киеве в августе 1874 г. Т. I. Киев, 1878.

